

Элла Золина

**Круассан с щепоткой
волшебства**

Элла Золина
Круассан с щепоткой
волшебства

<https://litres.ru/74101109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уставшая от мегаполиса Вера получает неожиданное наследство – старый дом на берегу моря. Вместе с кирпичными стенами и скрипучими половицами ей достается загадочный список дел и тайна, спрятанная в старом дневнике.

История о женщине, которая научилась слышать шёпот моря. О пекарне, где магия живёт в каждом круассане. О кошке, которая много знает. И о таинственных Хранителях Приливов, которые хранят услышанные секреты старого города.

Содержание

Глава 1. «Дедлайн под рёбрами»	4
Глава 2. «Дом, который пахнет воспоминаниями»	11
Глава 3. «Аромат, который нельзя игнорировать»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Элла Золина

Круассан с щепоткой волшебства

Глава 1. «Дедлайн под рёбрами»

Кофе в чашке остывал уже минут десять – тёмная, почти чёрная жидкость с тонкой плёнкой пены по краям, которая чуть подрагивала, будто дышала усталым, прерывистым дыханием. Я провела пальцем по краю чашки – фарфор был приятно тёплым, чуть шершавым в тех местах, где глазурь слегка потрескалась от времени. Кофе горчил – я забыла добавить сахар. Или добавила слишком мало. Или, может, всё дело в том, что он просто больше не мог быть вкусным.

Вкус, как и многое другое, стал каким-то плоским, лишённым оттенков. Словно кто-то выкрутил насыщенность моей жизни на минимум, оставив только серые тона и чёткие линии – как в тех презентациях, что я составляла день за днём. Если разобраться, моя работа напоминала конструктор: бери готовые блоки, соединяй их в правильной последовательности, добавляй немного красивых слов – и вот уже «ценности бренда» сияют на экране, будто настоящие. Забавно, но

факт: я упаковывала смыслы для чужих жизней, а свой собственный смысл куда-то потерялся.

За окном гудел мегаполис – ритмично и монотонно, как неисправный трансформатор, который забыли починить ещё лет десять назад. Где-то внизу сигналили машины, над головой гудел кондиционер, а передо мной на экране мерцали графики – красивые, выверенные, с правильными градиентами и стрелками роста. Всё, как положено в мире упаковки смыслов. В мире, где я когда-то чувствовала себя на своём месте, а теперь всё чаще ловила себя на мысли, что играю роль в спектакле, сценарий которого мне не нравится.

Я посмотрела на экран. Графики выглядели безупречно: плавные кривые, аккуратные столбцы, чёткие подписи. По сути дела, они напоминали идеальную жизнь – ту, что рисуют в мотивационных брошюрах. Солидно, внушительно, с правильными графиками и аккуратными сносками. Но внутри, если копнуть глубже, пустота. Та самая пустота, которую я так старательно маскировала красивыми словами и цифрами. Как этот кофе – снаружи всё в порядке, а внутри...

Внутренний дедлайн тикал где-то под рёбрами – не громко, но настойчиво, как старый будильник, который забыли выключить. Тридцать пять. Тридцать шесть. Тридцать семь. Тридцать восемь. Возраст, когда ты вроде бы должна чувствовать себя на пике, когда все карты уже раскрыты, а ты знаешь правила игры. Но вместо этого я ловила себя на мысли: «А где я, собственно? Где та девочка, которая мечтала

рисовать или писать книги, или хотя бы печь хлеб по бабушкиному рецепту?»

За окном напротив маячил чужой балкон. На нём висели какие-то вещи на сушилке – джинсы, футболка, пара носков, небрежно развешанных, как будто хозяин делал это в спешке. С перил свисало кашпо с цветочной кадкой, откуда выглядывал какой-то засыхающий цветок: видимо, когда-то он пышно цвел, а теперь его просто держат по привычке. Рядом на перилах примостилась ворона – видимо, решившая отдохнуть. Она нахохлилась, будто злилась на весь мир, и смотрела прямо на меня.

Я смотрела на этот балкон и подмечала каждую мелочь: как солнечный луч скользнул по ржавому крюку, на котором висит кашпо; как тень от соседнего дома медленно напознала на перила, будто пытаюсь спрятать от света всё это скромное, но такое живое хозяйство. Вот чья-то жизнь, думала я. С цветком, который не пережил зиму, вещами и вороной, выбравшей этот балкон своим наблюдательным пунктом. Настоящая, неидеальная, но живая – со своими маленькими историями, которые складываются в один большой рассказ.

А моя – где? В таблицах Excel? В презентациях с красивыми словами про «ценности бренда»? В бесконечной гонке за KPI, которые кто-то придумал, чтобы мы все чувствовали себя недостаточно хорошими, пока не закроем очередной квартал с плюсом? Или, может, она где-то спрятана среди таких вот балконов, вещей, случайно оставленных на солн-

це, и птиц, которые выбирают самые неожиданные места для отдыха? Может, настоящая жизнь – это и есть эти крошечные детали, а не цифры и графики?

Ворона вдруг расправила крылья, громко каркнула – и сорвалась с перил, унося с собой мои размышления. Я вздохнула, и взгляд невольно вернулся к экрану с мерцающими графиками. Но теперь они казались ещё более чужими и далёкими, чем минуту назад.

Телефон пискнул – очередное напоминание о дедлайне. Я вздохнула и потянулась за мышкой. Но рука замерла на полпути, словно что-то остановило меня на краю пропасти, в которую я вот-вот должна была шагнуть.

В этот момент пришло письмо. Тема: «Завещание. Для Веры Сергеевны Орловой».

Я моргнула. Потом ещё раз. Завещание? От кого? Мозг лихорадочно перебирал варианты: кто из дальних родственников мог оставить мне что-то? Дядя Павел, кажется. Или двоюродный дед? Не суть. Суть была в другом: мне доставался дом. Дом у моря. Старый, кирпичный, с тяжёлыми ставнями, которые, наверное, скрипят так, что слышно на всю улицу, и скрипучими половицами – полная противоположность моему стерильному лофту с видом на чужой балкон.

Я представила этот дом: запах сырости, старых книг и чего-то неуловимо родного, о чём я давно забыла. Тяжёлые ставни, которые нужно открывать по утрам, половицы, отзывающиеся на каждый шаг, холод оконного стекла, к кото-

рому невольно прижимаешься лбом в жаркий полдень. Это жильё, казалось, говорило: «Я жду тебя. Я готов стать твоим якорем».

Но самое интересное было не в доме. А в приложении к завещанию – подробнейшем списке дел на первую неделю:

«Протереть пыль с глобуса».

«Проверить наличие мышей в комод».

«Поливать фикус».

«Пересчитать ложки в ящике».

«Оставить ключ под ковриком для почтальона».

Я перечитала список ещё раз. Потом рассмеялась – тихо, почти беззвучно, но так, что в груди что-то дрогнуло, будто замёрзший ручей вдруг почувствовал первые лучи солнца. Это был абсурд. Чистейшей воды абсурд. Но в этом абсурде было что-то такое... настоящее. Не КРП. Не метрики. Не смыслы, упакованные в красивые слайды. А просто – пыль на глобусе. Мыши в комод. Фикус, который нужно поливать.

Город за окном вдруг показался чужим и далёким. Огни рекламных вывесок мигали, как сигналы тревоги, которые я так долго игнорировала. Машины сигналили, люди спешили куда-то, а я сидела и смотрела на этот список – и чувствовала, как внутренний дедлайн, тот самый, что тикал под рёбрами, вдруг остановился. Или замедлился. Или просто перестал иметь значение.

Решение было принято в тот же день. Я написала заявление об увольнении – коротко, без объяснений.

При мысли о грядущих переменах внутри что-то ёкнуло – не страх, а скорее осторожное любопытство. Но я тут же напомнила себе, что у меня есть небольшой финансовый запас: несколько лет аккуратных накоплений, отложенных «на всякий случай». Когда-то я считала эти деньги страховкой на чёрный день – на лечение, на внезапный ремонт, на кризис, который вот-вот наступит и перевернёт мир с ног на голову. А теперь поняла: этот «чёрный день» давно прошёл – он состоял из сотен одинаковых рабочих будней, где я забывала, каково это – дышать полной грудью.

Пара лет без необходимости срочно искать новую работу – вот что мне давали эти сбережения. Не роскошь, не беззаботная жизнь на яхте, а просто возможность не хвататься за первое попавшееся предложение, не бежать сломя голову в очередную гонку за KPI. Время, чтобы осмотреться, привыкнуть к новому дому у моря, разобраться в себе.

Я ещё раз пробежала глазами по тексту заявления, нажала «Отправить» и на мгновение замерла, прислушиваясь к себе. Внутри было непривычно тихо – ни паники, ни отчаяния, только лёгкое волнение, похожее на предвкушение перед долгой прогулкой в тёплый осенний день. Всё складывалось так, будто сама жизнь мягко подтолкнула меня в спину: «Давай. Теперь – можно».

Собрала два чемодана. В них я сложила одежду, книги, пару любимых чашек с трещинами, которые я не могла выбросить, потому что они напоминали о чём-то важном, а

также фотографию кота Барсика. Он умер год назад, но до сих пор занимал в моей жизни больше места, чем многие живые люди. Его взгляд с фотографии, казалось, одобрял мой выбор.

Поезд тронулся плавно, почти незаметно. Я смотрела в окно, на размытые огни мегаполиса, которые постепенно растворялись в сумерках, превращаясь в россыпь далёких звёзд. Ветер стучался в стекло, будто пытался что-то сказать, а я просто сидела и дышала. Впервые за долгое время – просто дышала, без подсчётов, без дедлайнов, без необходимости быть на высоте.

Где-то далеко остался город с его гулом, дедлайнами и шумим балконом напротив. Впереди ждала тишина, запах соли и старый дом из красного кирпича, который, казалось, уже ждал меня все эти годы. И, кажется, впервые за много лет у меня появилось ощущение, что я делаю что-то правильное. Что-то своё. Настоящее.

А кофе... Что ж, в новом доме я обязательно буду варить его так, чтобы он был сладким с первого глотка. Даже если забуду добавить сахар. Потому что, может быть, сладость – это не сахар, а ощущение, что ты наконец-то дома. И что магия начинается не с заклинаний, а с того, что ты позволяешь себе быть просто собой.

Глава 2. «Дом, который пахнет воспоминаниями»

Дверь скрипнула – не резко, не раздражённо, а так, будто вздохнула с облегчением, что её наконец-то открыли после долгого сна. Я замерла на пороге, вдыхая воздух старого дома. Он пах... воспоминаниями. Не какими-то конкретными, не какой-то одной историей, а общими, размытыми – как запах старой книги, которую ты не открывал много лет, но точно знаешь, что она где-то рядом. Где-то в глубине шкафа, за стопками журналов и коробками с забытыми сувенирами, покрытыми тонким слоем пыли времени.

Сырость. Не гниль, не плесень – просто влажность, осевшая в углах, впитавшаяся в стены, словно слёзы, которые никто не заметил и не вытер. Они не вызывали отвращения, а будто напоминали: «Здесь всё имеет свою историю. Здесь ничто не исчезает бесследно». Я сделала шаг вперёд, и половица под ногой отозвалась протяжным скрипом – будто предупреждала: «Осторожно, здесь всё живое. Здесь всё помнит. Каждый шаг, каждое слово, каждый вздох прежних хозяев». Звук прокатился по дому, как эхо давнего разговора, затих где-то в глубине коридора и растворился в тишине, оставив после себя едва уловимое ощущение присутствия.

Дом был небольшим, но объёмным – не по квадратным метрам, а по ощущениям. Он будто расширялся внутри, как старая кожаная сумка, которая кажется маленькой снаружи, а внутри вмещает куда больше, чем ожидаешь. Тяжёлые ставни на окнах, толстые стены из красного кирпича, лестница с перилами, которые, казалось, вот-вот расскажут какую-то историю, если их хорошенько попросить. Перила были гладкими от прикосновений – столько рук их касалось за годы, что дерево стало почти живым, тёплым на ощупь, хотя в доме пока было прохладно.

Я поставила чемоданы у стены и огляделась. Пауки уже успели обжить углы – не агрессивно, а так, по-хозяйски, как люди, которые давно здесь живут и не собираются никуда уходить. Они раскинули свои сети с деловитой уверенностью, будто знали, что новый жилец не станет их тревожить без нужды. На подоконнике лежала пыль – не серая, а рыжая, будто пропитанная закатами прошлых лет. Она лежала ровными слоями, как страницы книги, которую давно не открывали, и я вдруг поймала себя на мысли: интересно, кто последний раз протирал здесь подоконник? Может, тот самый дальний родственник, который оставил мне этот дом в наследство?

Глобус, тот самый, с завещания, стоял на полке, слегка наклонённый, как человек, который устал держать спину прямо. Его поверхность была покрыта тонким слоем пыли, но очертания континентов всё ещё проглядывали сквозь неё –

Африка, Европа, далёкие острова... Он напоминал мне о том, что мир огромен, но сейчас моё место было здесь, в этом маленьком доме у моря. И в этом было что-то удивительно правильное – будто все мои метания по большим городам, все попытки найти себя в чужих проектах наконец привели меня к точке отсчёта, к месту, где можно остановиться и просто быть.

Первые дни прошли в хлопотах, но хлопотах приятных, почти ритуальных. Я выгнала пауков (точнее, вежливо попросила их переселиться в более укромные места – они, кажется, даже не обиделись, просто перебрались за шкаф, где было уютнее). Вытерла пыль, смахивая её мягкой тряпкой и наблюдая, как она кружится в солнечных лучах, пробивающихся сквозь щели в ставнях. Пылинки танцевали в воздухе, как крошечные светлячки, и на мгновение мне показалось, что дом улыбается мне – осторожно, едва заметно, но всё же улыбается.

Следуя списку из завещания, я аккуратно протёрла пыль с глобуса. Движения были неторопливыми, почти медитативными. Проводя пальцем по контурам материков, я словно прикасалась к чужим мечтам и путешествиям – кто-то когда-то мечтал побывать в этих местах, кто-то, может, и побывал...

Затем проверила комод на наличие мышей – как ни странно, их не оказалось. Зато внутри обнаружился старый альбом с выцветшими фотографиями, на которых незнакомые мне

люди улыбались в объектив, будто приглашая в свою жизнь. Я закрыла ящик, решив, что разберусь с находкой позже.

В углу комнаты стоял фикус – одинокий, немного пыльный, но ещё живой. Я полила его, и вода с тихим журчанием впиталась в землю. Листья чуть шелохнулись, словно в благодарном кивке. Забавно, но факт: даже растение здесь будто ждало, когда его заметят.

Пересчитала ложки в ящике – их оказалось ровно двенадцать, все одинаковые, с чуть потёртыми ручками. Почему-то это простое действие вызвало у меня улыбку: вот он, маленький порядок среди хаоса первых дней.

Оставила ключ под ковриком для почтальона, хотя не была уверена, что он вообще сюда ходит. Но так велел список – а в первые дни в новом доме ритуалы особенно важны. Они создают иллюзию контроля, а мне сейчас это было нужно.

Нашла в кладовке старый веник с деревянной ручкой, который, казалось, помнил ещё мою прабабушку. Ручка была отполирована до блеска, а прутья – жёсткие, но послушные. Он шуршал по полу с таким довольным звуком, будто радовался, что снова может быть полезным. Я подметала, прислушиваясь к этому шуршанию, и вдруг поняла: вот оно, моё новое «управление проектами». Не презентации и КРІ, а вот этот веник, эта пыль, этот дом, который постепенно становится моим.

Отопление работало с перебоями – включалось, когда ему заблагорассудится, и выключалось ровно в тот момент, когда

я начинала согреваться. Горячая вода появлялась по какому-то таинственному расписанию, известному только местным богам ЖКХ, которые, видимо, решали эти вопросы за чашкой чая где-то в параллельном измерении. Но я не сердилась – скорее, воспринимала это как игру. Дом проверял меня, а я проверяла его, и мы постепенно привыкали друг к другу, как два старых знакомых, которые когда-то давно поссорились, а теперь пытаются начать всё сначала.

Город принимал меня за свою. Это пугало и одновременно радовало. В мегаполисе я привыкла к спешке: к гулу машин, к людям, которые бегут, не поднимая глаз, к вечно горящим экранам и мигающим уведомлениям, к ритму, который не даёт остановиться ни на секунду. Здесь же всё было иначе. По утрам старушки сидели на лавочках и обсуждали погоду так, будто это был главный мировой вопрос, от которого зависело всё – урожай, настроение, судьба города. Дети катались на велосипедах по дворам, не боясь машин, и их смех звенел, как колокольчики. Даже ветер дул медленнее – он не толкал в спину, а мягко подталкивал в нужном направлении, будто говорил: «Не торопись. Здесь можно идти шагом. Можно дышать».

Как жить без суеты? Что делать с этой внезапной свободой? Я пыталась заполнить тишину привычными делами: проверяла почту (бесполезно – письма приходили редко и были сплошь рекламными), листала соцсети (скучно – лента казалась чужой, далёкой), пыталась составить план (бес-

смысленно – списки задач рассыпались, как песок сквозь пальцы). Но город мягко, но настойчиво учил меня новому ритму. Он шептал: «Остановись. Прислушайся. Почувствуй».

Постепенно мой маршрут выстраивался сам собой. От калитки дома – по узкой улочке, вымощенной брусчаткой, которая помнила шаги сотен поколений. Камни были гладкими, чуть неровными, и каждый шаг отзывался тихим эхом прошлого. Мимо старого фонаря, склонившегося над тротуаром, как усталый сторож, который вот-вот задремлет. Он горел по вечерам тусклым жёлтым светом, и его свет казался тёплым, почти осязаемым – как кружка какао в холодный день. Через небольшой сквер с вековыми деревьями, чьи ветви сплетались над головой, образуя арку, как своды древнего собора. Листья шелестели на ветру, рассказывая истории, которые я пока не могла понять, но уже начинала слышать. И дальше – к набережной, где море дышало ровно и спокойно, будто напоминая: «Ты тоже можешь так. Просто дыши. Не торопись. Не бойся. Просто будь».

Однажды утром, уже почти добравшись до набережной, я остановилась. В воздухе висел запах – густой, тёплый, почти осязаемый. Свежеиспечённый хлеб. Он обволакивал, как старое одеяло, в которое хочется закутаться с головой, спрятаться от всего мира и просто наслаждаться моментом. Этот запах был живым, настоящим – он звал, манил, обещал что-то простое и доброе. Я повернула голову и увидела ма-

ленькую пекарню с вывеской, написанной от руки: «У Леи». Буквы были неровными, но тёплыми, будто их рисовали с улыбкой.

Запах стал якорем реальности. Он говорил: «Вот оно. Вот где ты сейчас. Вот куда тебе нужно идти. Не в офис, не на встречу, не к дедлайну – сюда. К теплу, к хлебу, к жизни, которая не измеряется КРП».

Я сделала глубокий вдох – первый по-настоящему глубокий вдох в этом новом мире. Воздух пах солью, морем, старым кирпичом и хлебом. И в этот момент я вдруг поняла: возможно, всё получится. Возможно, я смогу здесь дышать. По-настоящему. Не в перерывах между дедлайнами, не урывками между встречами, а просто – дышать. Медленно, глубоко, свободно.

Мне показалось, что дом, который остался где-то за спиной скрипнул ещё раз – уже не предупреждающе, а одобрительно. Будто сказал: «Ну наконец-то. Добро пожаловать домой». И я улыбнулась, впервые за долгое время чувствуя, что это правда. Что я действительно дома.

Глава 3. «Аромат, который нельзя игнорировать»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.